

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА ТАТАР-МУСУЛЬМАН РОССИИ: ФАКТОРЫ АВТОНОМИЗАЦИИ

САГИТОВА

Лилия Варисовна,

канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотр.
отдела этнологических исследований;
Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
(420014, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, Кремль, под. 5).
E-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика воспроизводства религиозной автономии в сельской мусульманской общине. В качестве примера взят кейс-стади села Средняя Елюзань Пензенской области. Комплексное исследование с использованием архивных источников по истории села и качественных методов позволило проследить функционирование религиозной автономии как формы социальной самоорганизации сельских татар-мусульман. Исследование роли таких социальных институтов, как традиционная семья, мечеть и мусульманская община, деятельности духовных наставников помогло выявить факторы устойчивости религиозных практик и ценностей в условиях различающейся социально-политической конъюнктуры: в дореволюционной России, в период советского атеизма и постсоветского религиозного плюрализма.

Ключевые слова: религиозная автономия, религиозная идентичность, ислам, исламские ценности, российские мусульмане.

Понятие «религиозная автономия» имеет различные трактовки в зависимости от научного направления. Так, институциональный подход используется историками, освещающими духовные институты российских мусульман в первое послереволюционное десятилетие¹. Этические и моральные аспекты становятся определяющими у философов. В данной статье понятие «автономия» используется в кантовской трактовке — как форма и способ сохранения и воспроизводства личностной и групповой идентичности: Кант трактует автономию как стержень человеческой свободы и морали. Автономия понимается как самостоятельное бытие, определяемое собственным разумом и совестью; способность личности как морального субъекта к самоопределению на основе собственного законодательства»².

¹ Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность: очерки. Казань, 2002; Хабутдинов А.Ю. Имамы Ярмарочной мечети // Медина ал-Ислам. 2005. № 6(9); Хабутдинов А.Ю. Органы национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. Вологда, 2001; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

² Кант И. Основы метафизики нравственности. С. 209. URL: http://royallib.ru/read/kant_i/osnovi_metafiziki_nravstvvennosti.html#10240 (Дата обращения 15.09.2014); О'Нил О. Религия и мораль // Мораль и рациональность. М., 1995. С. 192–220.

Религиозное сознание и социальные формы самоорганизации верующих можно рассматривать в аспекте моральной автономии. Моральная автономия позволяет сохранять свободу независимо от социальных установлений в условиях диктата власти и не терять самообладания перед лицом стихии, недуга или угрозы смерти. Таким образом, автономия выступает как социальная и экзистенциальная ценность. Духовная автономия — глубоко социальное явление. Личность или группа формируют культурные границы для сохранения и укрепления ценностных структур и идентичности. Ее исследование в качестве социального института невозможно без учета объективных условий. Так, к разряду влиятельных факторов следует отнести политическую и социально-экономическую конъюнктуру конкретного исторического периода.

История автономизации ислама в Российском государстве была связана со спецификой внутривластной конъюнктуры, менявшейся под влиянием комплекса факторов. Так, первый этап внутренней политики по отношению к мусульманскому населению завоеванного Казанского ханства связан с политикой Ивана Грозного и последующих правителей, которые стремились насильственно привести инородческое население к одному идеологическому (религиозному) знаменателю. Кампании по христианизации мусульман в 40–50-е годы XVIII в., реформы Петра I сопровождались сопротивлением и бунтами, что способствовало кристаллизации религиозной идентичности и усилению замкнутости мусульманских общин.

Со временем «гонимый» статус ислама постепенно принимает статус «терпимого», когда приращение новых территорий заставляет царскую администрацию формировать новую политику применительно к поликонфессиональному составу Российской империи. Изменение статуса ислама в Российском государстве исследователи связывают с принятием Соборного уложения 1649 г¹. По мнению А. Ногманова, несмотря на ущемляющий в целом права мусульман характер Соборного уложения, его принятие следует рассматривать как своеобразный рубеж, начало второго этапа в отношении властей к исламу, когда религия мусульман получает законодательное признание как идеология. Тем самым состоялось юридическое закрепление возможности применения норм мусульманского права (шариата)².

¹ Дюдуаньон С. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII — нач. XX в.) // Ислам в татарском мире: история и современность. Материалы международного симпозиума. Казань, 1997; Ногманов А. Эволюция законодательства о мусульманах России (вторая пол. XVI — первая пол. XIX в.) // Ислам в татарском мире: история и современность: Материалы международного симпозиума. Казань, 1997.

² При этом ученый подчеркивает, что «закрепив за православием роль господствующей религии, создатели кодекса в то же время были вынуждены допустить другие исповедания в те области права, где с их существованием приходилось мириться. В частности, при выполнении процедуры принятия присяги по судебным и другим делам. Законодатели разумно пришли к выводу, что присягу надо принимать в соответствии с той религией, которую исповедует лицо,

Следующее качественное изменение статуса ислама через сто лет, в 60–70-е годы. XVIII в., А. Ногманов связывает с выходом Указа «О терпимости всех исповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся неверных исповеданий», с уменьшением экономического давления на татар-мусульман, а также указом Сената 1764 г. об упразднении Новокрещенской конторы. Наряду с этим статьи 494–496 «Наказа», данного Екатериной II Комиссии для сочинения проекта нового Уложения 1767 г., обозначили начало нового правительственного курса¹.

Легитимация ислама на государственном уровне хотя и налаживала коммуникацию между царской администрацией, носила прежде всего контролирующий характер и преимущественно реализовывалась на институциональном уровне. Так, в Уфе в 1789 г. было создано Оренбургское духовное собрание во главе с муфтием, которому было подчинено всё мусульманское духовенство России, кроме Крыма и западных губерний. В функциях Духовного собрания значились: надзор за конфессиональной школой, регулирование семейно-брачных отношений, разрешение на принципах шариата наследственных споров и ведение метрических книг². Появление новых институций для мусульман было связано прежде всего с государственными интересами. Введение мулл в штатное расписание воинских частей было призвано усилить эффективность армии. Из всех духовных лиц мусульман лишь муфтий обладал определенными привилегиями: его статус был приравнен к генеральскому чину. При этом община не была вправе выбирать муфтия: персона назначалась царем по представлению МВД, а члены духовного собрания — оренбургским генерал-губернатором³.

Модели автономии мусульманских общин в царской и советской России принципиально различались. Так, легитимность религии на уровне государства в дореволюционной России обеспечивала полноту духовной инфраструктуры мусульман: от Оренбургского духовного собрания, мечетей, мектебов, медресе и собственно самих мусульманских общин⁴. А их внутренняя автономия усиливалась преимущественно анклавным характером расселения мусульман: до революции татары жили в основном в сельской местности. По данным переписи 1897 г., 91,5% татар составляли сельчане⁵. В сельской местности автономность общин поддерживалась как формой социаль-

дающее показания. В противном случае она никак не влияет на человека». См.: Ногманов А. Указ. соч. С. 138.

¹ Там же. С. 139.

² Там же. С. 141–145.

³ Там же. С. 146.

⁴ Ноак К. От родословной к территории: пространственное измерение мусульманской идентичности в имперской России / *Ab Imperio*. 2006. No. 2. С. 81–100.

⁵ Социальное и национальное. М.: Наука, 1973. С. 15.

ной организации жизни, которая строилась в условиях махалли, так и значительной культурной дистанцией с русскими. Близкое соседство татар с народами Поволжья обогащало их языковую компетенцию, приносило элементы культурных заимствований, но при этом не оказывало влияния на религиозную составляющую их повседневности, жестко регулируемую исламскими религиозными канонами.

В советской России коммунистическая идеология и форсированная индустриализация привели не только к внутренней миграции, микшированию этнических групп и внедрению светской культуры с русским языком обучения, но и к сосуществованию двух взаимоисключающих идеологических систем — атеистической идеологии и ислама.

В связи с этим ряд факторов предопределил специфику бытования исламской традиции в советской России. На существование религиозных общин оказывали влияние такие факторы, как:

- жесткость санкций против религиозных деятелей и религиозных отправлений;
- интенсивность атеистической идеологии;
- географическая и поселенческая специфика проживания мусульман;
- специфика преемственности традиции от поколения к поколению.

Кейс Средней Елюзани¹ представляет собой пример анклавного бытования исламской традиции. Собранные в ходе экспедиций материалы демонстрируют, каким образом сохранялись духовные институты и практики на протяжении всего советского периода в условиях идеологического контроля и санкций; как это влияло на жизненные сценарии жителей села; каким образом ценности, нормы и социальные стандарты рационализировались на коллективном и личностном уровнях и предопределяли поведенческие стратегии людей. Каким образом социальные институты и стандарты поведения оказывали влияние на консервацию ислама в татарском селе, а затем, с наступлением либерализации, стимулировали его воспроизводство в новых условиях.

Детальное изучение архивных материалов и собранных в ходе лонгитюдного исследования нарративов и документов позволило проследить взаимовлияние ряда факторов, способствовавших кон-

¹ Авторское лонгитюдное исследование, осуществленное в период с 2006 по 2011 г. В ходе разведывательного кейс-стади велось включенное наблюдение, работа со статистическими материалами села; интенсивное общение с представителями различных социальных групп: служащими в администрации, предпринимателями, имамами, учителями, рядовыми жителями села. Всего было взято 50 глубинных интервью.

сервации мусульманской общины в Средней Елюзани. Оказалось, что в советский период социально-экономические условия, сложившиеся в рамках колхозной системы, послужили причиной воспроизводства семейного традиционализма, тесно связанного с религиозными ценностями и практиками. Так, советский колхозник, особенно в период становления советской власти, имел минимальную частную собственность в виде приусадебного участка и являлся фактически крепостным колхозного хозяйства. Его труд сопровождался большими затратами: тяжелые условия, мизерное вознаграждение, которое обеспечивало потребность лишь в элементарном воспроизводстве семьи. Единственным условием выживания являлось наличие минимального частного хозяйства и дополнительный труд по его поддержанию в оставшееся от колхозных работ время. В инертной, лишенной экономического рационализма системе колхозного хозяйства можно было выжить исключительно за счет ресурсов традиционной семьи:

- большого количества рабочих рук, которое могли обеспечить только собственные дети или ближайшие родственники;
- непрерывного и малопроизводительного труда, целью которого было простое воспроизводство семьи;
- теневой экономики (отходничество, рыночная полулегальная торговля);

В таких условиях жизненными стратегиями крестьян становились: а) стремление любыми средствами переехать (бежать) в город; б) выживать за счет ресурса семьи и укреплять ее благополучие. Безысходность и безальтернативность положения могли поддерживаться только за счет трудовой этики. Представляется, что в нашем случае трудовая этика подкреплялась исламскими ценностями, которые хотя и не артикулировались в атеистическое советское время, но сохранялись на уровне семьи и передавались от поколения к поколению в многодетных семьях елюзанцев как стереотипы поведения. Последние, безусловно, были составной частью габитуса¹ мусульманина, повседневная жизнь которого исторически структурировалась в соответствии с нормами и ценностями ислама: пятикратный намаз, усердие перед Аллахом, сопряженность всех поступков с кодексом му-

¹ Одно из базовых понятий социологической концепции П. Бурдьё — «Habitus». Габитус — это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Габитус является продуктом истории, производит индивидуальные и коллективные практики — опять историю — в соответствии со схемами, порождаемыми историей. Он обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действия, гарантирует «правильность» практик и их постоянство во времени более надежно, чем все формальные правила и открыто выраженные нормы. См.: Громов И. А., Мацкевич И. А., Семёнов В. А. Западная социология. СПб.: ООО «Издательство ДНК», 2003. С. 531.

сульманина. Довольно жесткая структура повседневности мусульманина, наложенная на условия тяжелого сельского труда, воспитывала с детских лет трудолюбие, ответственность перед собой, родственным окружением и общиной. Например, ежедневный ритуал пятикратного намаза, начинавшегося до первых лучей солнца, и ежегодный пост-ураза, когда в течение месяца верующий не пьет и не ест от восхода до заката и при этом занимается сельскохозяйственным трудом, воспитывали в верующем чрезвычайную выносливость и самоконтроль, что влияло и на трудовое поведение.

Приоритет в воспроизводстве и поддержании религиозных практик принадлежал институту семьи. Именно традиционная большая, двух-, или трехпоколенная семья становилась базой, которая давала представление о Боге, религиозных нормах и ценностях. Тотальная занятость родителей в сельском хозяйстве компенсировалась участием в воспитании детей бабушек и дедушек, которые и становились первыми религиозными воспитателями внуков. Они же выполняли функцию проводников в публичное пространство — мечети. Праздничные моления на кладбище, в пустующих домах или на широких улицах села, когда мечеть не вмещала верующих, приобретали функцию неформального социального института, также структурировавшего жизнь общины и участвующего в социализации детей.

Архивные материалы свидетельствуют о сохранявшейся в Средней Елюзани традиционной модели сельской татарской общины. В течение всего советского периода в селе действовала одна официальная и три неофициальные мечети. Их центральный субъект — институт старейшин и работающие в мечетях имамы в определенном смысле структурировали жизнь сельчан. Именно они сопровождали все значимые вехи жизнедеятельности как семьи, так и в целом сельской общины. Например, одним из социальных институтов, вокруг которого структурировалась деятельность и духовная жизнь сельчан, было кладбище. Оно стало местом, где приватное пространство религиозных практик находило выход в публичном легитимном пространстве похоронных ритуалов. Этот сегмент религиозных практик сохранил полный комплекс мусульманского традиционализма, поскольку здесь, на границе человеческого бытия и небытия, не действовали никакие атеистические аргументы и запреты. Именно здесь функция и роль муллы, как наделенного священными полномочиями сопровождающего, была непреложна и легитимна. В докладной записке уполномоченного Совета по делам религиозных культов отмечалось: «Муллами мечетей ежегодно совершается много религиозных обрядов: религиозных браков и наречение имен новорожденным. Захоронение почти всех умерших проводится по религиозному обряду»¹.

¹ Государственный архив Пензенской области Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 91а.

Кроме того, сельское кладбище стало своеобразным оселком, на котором проверялась эффективность реагирования официальной (светской) и неофициальной (духовной) власти на социальные нужды сельчан. В качестве примера можно привести историю с благоустройством кладбища, в которой сельские муллы сумели найти эффективное решение проблемы. Быстрое и эффективное реагирование на общинные нужды со стороны мулл, безусловно, укрепляло их значимость и роль на селе. Докладные письма партийных инструкторов и нарративы сельчан свидетельствуют о постоянной конкуренции представителей советской власти с духовными лидерами сельчан, мнение которых было приоритетным в принятии решений, касающихся жизни общины. Так, инструктор облисполкома в справке за 1951 год отмечал: «Беседуя с кандидатом партии тов. Акчардаковым, работником буфета, на поставленный мною ему вопрос — почему коммунисты не ведут среди населения такой разъяснительной работы, которая дала бы возможность закрыть мечети и использовать их под клуб, медпункт и т. д., так как здания под клуб у вас нет, а медпункт помещается в несоответствующем здании, Акчардаков дал мне такой ответ: “... ахун этого не позволит; а что скажет на это ахун”»¹.

Авторитет мулл косвенно подтверждается и тем, что молодежь уже в период расцвета социализма, в 1960–1970-е годы, стремилась связать свое будущее с «непопулярной» и преследуемой государством профессией духовного служителя. В селе сложилась традиция воспроизводства духовных кадров: в течение советского времени молодежь уезжала получать исламское образование в Бухару и другие мусульманские центры.

Таким образом, духовные нормы и ценности поддерживались как в приватном пространстве семьи, так и в неофициальном публичном. Стабильности мусульманской общины способствовала демографическая ситуация: численность населения неуклонно росла как за счет многодетных семей, так и за счет слабого миграционного оттока: взрослое население не уезжало из села, занимаясь отходничеством, а молодежь, получая нужное для сельской местности образование, возвращалась в село. Важную роль играла и экономическая политика администрации совхоза, которая с конца 1960-х годов вела активное строительство дополнительных промышленных объектов².

Все описанные факторы сыграли роль структурных компонентов в процессе религиозной идентификации елюзанцев и обусловили интенсивность постсоветской реисламизации в селе. С конца 1980-х годов в Средней Елюзани происходят значительные изменения

¹ Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 1(2).

² В Средней Елюзани работали филиалы Пензенского часового завода, лампового завода, обувной фабрики, швейный цех.

не только на уровне духовных институтов, но и на уровне религиозных практик, ценностей и норм. За последние двадцать пять лет в селе построено 13 мечетей, соответственно, выросло число приходов. При мечети с медресе имеется свой печатный орган — мусульманская газета «Аль-Азан». Организуются мусульманские детские сады и молодежные мусульманские летние лагеря, создан общественный благотворительный мусульманский фонд «Радуга». Можно сказать о том, что в селе все более укрепляется институт закята — пожертвования на нужды местной общины. С участием мечетей реализуются социальные программы для слабозащищенных сельчан. Мечетные советы имеют списки нуждающихся в своих приходах и организуют им как разовую, так и систематическую помощь.

С усилением роли ислама сообщество сельчан приобретает черты общины, где регуляторами жизни становятся мусульманские ценности. Стремление следовать нормам ислама проявляется не только на уровне внешней презентации, но и в жизни села. В местной библиотеке проходят конкурсы исламской поэзии. Постепенно нормы ислама становятся руководством не только в духовной, но и в экономической и общественной жизни. Так, один из предпринимателей охарактеризовал свои экономические приоритеты: «У нас магазин есть. Продаем там товары первой необходимости: продукты, хозяйственные товары. Спиртного нет, есть, правда, сигареты, но мы и их скоро завозить не будем, потому что это грех. И для нас, и для покупателей. И деньги эти грязные. Мы расцениваем это как грязный доход» (муж., 59 лет).

В селе не продается свинина, работает несколько колбасных цехов, где производят говяжью и конскую колбасу, обеспечивая ею не только свое село. Продукцию халяль развозят по всей области, где есть татары, и за ее пределы: Татарстан, Москву, Самару, Саратов и другие города. В беседах с жителями села, в их оценках и реакциях на происходящее проявлялась одна общая для многих черта — это чувство социальной ответственности. Оно начинается с ответственности за семью, когда родители стараются сделать все возможное для благополучия своих детей, а выросшие дети обеспечивают достойную жизнь своим родителям¹. Чувство социальной общности формируется благодаря деятельности мечетей².

Консолидация мусульман не ограничивается объединениями локального уровня. События десятилетней давности вокруг села способствовали консолидации жителей и осознанию себя в качестве Другого

¹ Взрослые дети одной из моих собеседниц сделали дорогой евроремонт в доме родителей.

² Поскольку село большое, оно разделено на приходы, каждый из которых обслуживает своя мечеть. При каждой из 13 мечетей действует своя община.

в рамках Пензенской области. В силу разных причин¹ в 2005 г. в российских СМИ появилось несколько публикаций о Средней Елюзани, где ее жители преподносились как затаившиеся экстремисты — ваххабиты. Вот наиболее яркие цитаты из статьи с говорящим названием — «Семь мечетей Пензенской Мекки. Село Средняя Елюзань превращается в очаг ваххабизма», опубликованной в общероссийской газете «Известия»:

«Во дворе РУВД стоит “КамАЗ” с высокими бортами. Со второго этажа видно, что в кузове лежит цистерна. Люк прикрыт автомобильной крышкой. В таких “КамАзах” перевозят краденые нефтепродукты. В этом году обнаружено семь криминальных врезок — совсем как в Чечне. <...> Село фактически бесконтрольно, — говорит районный прокурор Александр Наливаев. — На 10 тысяч человек в Елюзани 3 милиционера. <...> 800 стволов зарегистрированного оружия»; «Ваххабитами муфтий Аббас хазрат называет трех молодых людей, местных жителей, прошедших обучение в Саудовской Аравии. Вернувшись, они развернули активную деятельность. Четыре из семи (!) действующих в селе мечетей, по словам муфтия, уже находятся под их контролем»; «Когда районный прокурор Александр Наливаев говорил о необходимости устроить в Елюзани полноценное отделение милиции и восстановить полноценный отдел ФСБ, я (автор статьи, Борис Клинт. — Л.С.) спросил, не опасается ли он, что молодые мусульмане из Елюзани, да еще вооруженные, на появление силовиков отреагируют, как в Ингушетии и Кабардино-Балкарии?»²

О том, что практически все описанные «факты» оказались подтасовкой, писали и в газетах, и в интернет-порталах³. Мусульмане Елюзани высказывали готовность судиться с «Известиями» за клевету. Но, несомненно, этот факт дискриминации по религиозному признаку, получивший отражение в российских СМИ, усилил внутрigrупповую солидарность и кристаллизовал исламскую и этническую идентичность у жителей села.

Заключая, следует сказать о том, что исторический и современный опыт бытования сельских мусульманских общин свидетельствует о значимости социально-политической конъюнктуры, которую в большей степени создает государство, формирующее рамку координат, к которой адаптируются религиозные сообщества этнических меньшинств. Признание религиозной отличительности и конфессиональ-

¹ Разгоревшийся вокруг села скандал оценивают как реакцию губернатора В. Бочкарева на политическую активность бывшего руководителя «Елюзанского» хозяйства К. Дебердеева, который выдвинул в 2002 г. свою кандидатуру на выборы губернатора Пензенской области. На это противостояние наложился конфликт между «старыми» и «молодыми» имамами, который был разрешен усилиями местной администрации.

² Известия. 29.11.2005.

³ TATARLAR.ru.; ISLAM.ru; Ислам-Инфо; Республика Татарстан. 9.12.2005; Татарстан яшьляре. 28.08.2003.

ный плюрализм способствуют открытости в нашем случае мусульманских общин. И, напротив, применение санкций и конструирование дискурса враждебности и недоверия государства к иноконфессиональным социальным группам способствует кристаллизации религиозной идентичности и замкнутости общин, что становится препятствием к успешной общегражданской интеграции народов России.

Кейс Средней Елюзани продемонстрировал влияние факторов разного порядка на процесс религиозной идентификации и автономизации сельских мусульманских общин. Оказалось, что вопреки антитрадиционалистской направленности советская модернизация аграрной сферы способствовала консервации традиционализма, который, в свою очередь, явился одним из определяющих оснований сохранения ислама у сельских мусульман России. В то же время исследуемый случай поставил ряд вопросов. Первый из них связан с проблемой типичности модели для других татарских сел. Следует отметить, что подобные модели встречаются, но не столь часто¹. Нетипичность кейса для большинства татарских сел в Татарстане стимулирует к поиску причин как в социально-экономической, этнокультурной сферах, так и в области личностной и групповой психологии. Так, еще один вопрос связан с выявлением сопряженности исламских ценностей и практик с трудовой этикой. Дальнейшего изучения требует и аспект сосуществования религиозных и светских норм и практик в жизни сельских мусульманских общин.

Литература

Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-2392. Оп. 1.

Громов И. А., Мацкевич И. А., Семёнов В. А. Западная социология. СПб.: ООО «Издательство ДНК», 2003.

Дюдуаньон С. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII — нач. XX в.) // Ислам в татарском мире: история и современность. Материалы международного симпозиума. Казань, 1997.

Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность: очерки. Казань, 2002.

Кант И. Основы метафизики нравственности / URL: http://royallib.ru/read/kant_i/osnovi_metafiziki_nravstvennosti.html#10240

Ноак К. От родословной к территории: пространственное измерение мусульманской идентичности в имперской России / *Ab Imperio*. 2006. No. 2.

¹ Например, села Шыгырдан Батыревского района Республики Чувашия, Бестянка Пензенской области.

Ногманов А. Эволюция законодательства о мусульманах России (вторая пол. XVI — первая пол. XIX в.) // Ислам в татарском мире: история и современность. Материалы международного симпозиума. Казань, 1997.

О'Нил О. Религия и мораль // Мораль и рациональность. М., 1995.
Социальное и национальное. М.: Наука, 1973.

Хабутдинов А. Ю. Имамы Ярмарочной мечети // Медина ал-Ислам. 2005. № 6(9).

Хабутдинов А. Ю. Органы национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. Вологда, 2001.

Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

RURAL COMMUNITY OF MUSLIM TATARS IN RUSSIA: FACTORS OF AUTONOMISM

Lilia V. SAGITOVA,

Cand. Sci. (Hist.), associate professor, senior researcher at the Department of Ethnologic Studies, S. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (5, Kremlin, Kazan, Republic of Tatarstan, 420014, Russian Federation).
E-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Abstract. The article considers the specifics of the reproduction of religious autonomy in a rural Muslim community. The author presents a case-study of the Srednyaya Yelyuzan village, Penza Oblast. A comprehensive study, which involves the archival data on the history of the village and qualitative methods, allows us to retrace the village's religious autonomy as a form of social self-organization of rural Muslim Tatars. The study of the role of such social institutions as the traditional family, mosque and Muslim community, the activities of spiritual leaders helps to identify the sustainability factors of religious practices and values in different socio-political contexts: Russian Empire, Soviet atheism and post-Soviet religious pluralism.

Keywords: religious autonomy, religious identity, Islam, Islamic values, Russian Muslims.

